

Большой Змей снова вспомнил тот день, когда впервые увидел этого человека.

Какая тогда стояла погода? Хм. С чего бы сумеречной твари, внушающей трепет и ужас, обращать внимание на подобные мелочи?.. В памяти отпечатался лишь полдень: за стеклянной дверью балкона висело солнце, похожее на желток утиного яйца. Ему следовало сиять во всём величии, но оно казалось плоской картинкой, застрявшей на дешёвых обоях, — жалкой, незначительной декорацией.

А вот гостиную затопляла мрачная, серая глушь. Невидимым занавесом она отсекала солнечные лучи, и стоявший посреди комнаты человек расплывался смутным, нечётким силуэтом, от которого веяло дурным предзнаменованием.

Змеюхватило одного взгляда, чтобы навек потерять желание смотреть туда снова. Он мгновенно решил: этот странный смертный — затаивший вражду противник. А значит, стоит прикинуться овечкой, чтобы при случае сожрать волка, и выжидать, не поддаваясь на провокации.

Но дождался он лишь одного:

— Змея-а-а-а!!

— Не подходи!

— Помогите, мне страшно!..

Это заставило Змея всерьёз усомниться в смысле своего змеиного бытия.

Позже, когда он приполз к человеку с тарелкой в зубах, требуя добавки, расстояние между ними наконец сократилось, позволяя разглядеть черты его лица.

Глаза этого смертного лучились жизнью. Они были поразительно яркими, и даже когда он настороженно и испуганно таращился на змею, чуть приподнятые уголки его век всё равно очерчивали удивительно мягкую, почти нежную линию.

И эта крошечная деталь преображала всё: его взгляд, хоть и светлый, не ослеплял полуденным зноем. Он скорее напоминал омытый дождём бамбуковый лес, где из влажной земли пробиваются молодые побеги, распускаются цветы и всё вокруг дышит безудержным цветением.

Разительным контрастом к этой живости выступала густая, иссиня-чёрная аура — концентрированное зловоние смерти. С подобной меткой гибели на лбу человеку опасно выходить из дома: на него обязательно упадёт кирпич с крыши, у мчащейся навстречу машины откажут тормоза, а дома он рискует захлебнуться глотком воды...

Беликий Змей высунул раздвоенный язык и высоко поднял голову, придиричиво разглядывая стоящего перед ним человека.

Каждый раз, когда Змей проявлял рядом с ним свою хищную природу, туманный серый занавес обращался непроглядной чёрной мглой, поглощавшей смертного без остатка. Эта тьма словно шептала Змею: «Я связала его для тебя. Давай, убей его скорее».

Он не мог одним лишь зрением проникнуть в суть этой зловещей хтонической мглы, но вполне догадывался о её происхождении.

Для любого Мира — во всяком случае, для того, в котором они находились сейчас, — количество чистой материи и энергии на вершине сакральной пирамиды остаётся величиной неизменной. Если где-то прибудет, в другом месте неизбежно убывает.

Положим, человек возжелает урвать у судьбы куш: выиграть в лотерею десятки миллионов или чтобы его враг скоростижно скончался. Взывай он с такими молитвами к Миру, тот даже не удостоит его вниманием.

Но стоит человеку прибегнуть к запретным уловкам, обхитрить Волю Мира и украсть то, что ему не принадлежит... Малую толику удачи или чудом избегнутую опасность Мир, быть может, сквозь пальцы и пропустит. Но если грабёж окажется крупным, Воля Мира, опомнившись, содрёт с вора долг с лихвой.

Посеял причину — пожнёшь и следствие, вкусишь плоды Инь и Го, будь они сладкими или ядовитыми.

Судя по возрасту и жизни этого мальчишки, он физически не мог навлечь на себя столь чудовищную кармическую скверну. Скорее уж его сделали сосудом для вызревшего Следования — искупительной жертвой, за счёт которой Воле Мира преподнесут «убедительное объяснение».

Вот только что-то пошло не так... Видимо, некая неодолимая сила удерживала дыхание в его теле, иначе этот смертный испустил бы дух куда раньше — а то и вовсе родился бы мёртвым.

Змей встретился взглядом с клубящейся чёрной мглой. Тьма не оставляла попыток и жадно подталкивала его к расправе.

Шанс прикончить человека возрос до бесконечности: достаточно лёгкого движения, одного сжатия колец — и парень задохнётся во сне от остановки сердца.

Мир просто сгорал от нетерпения, желая получить свои проценты.

Долгое ожидание лишило Мир остатков терпения, с каждым днём он становился всё

агрессивнее. Человек шёл по натянутому над пропастью канату, балансируя на грани, но подобное равновесие не могло длиться вечно. Всякий ресурс истощается, и баланс вот-вот обрушится.

Этот человек скоро умрёт.

В золотых змеиных зрачках мельком соскользнула редкая тень сожаления.

Впрочем, неважно...

Когда смертный отдаст истоку душу, всегда можно найти способ поднять его из могилы.

Змей остался чрезвычайно доволен этой мыслью. Его тяжёлая голова, точно опускающаяся платформа гидравлического подъёмника, плавно опустилась на тёплую поверхность, укладываясь на покой. Но не прошло и пары мгновенных вспышек, как кончик хвоста раздражённо хлопнул по дивану.

«Тч. Когда человек сдохнет, он ведь потеряет всё тепло, верно?»

«Это что же... Придётся время от времени разрывать землю и залезать к нему в гроб, чтобы поспать?..»

«Кстати, а этому парню вообще понравится лежать в сырой земле?»

«Вряд ли. С его-то помешанностью на чистоте — он даже чтобы дохлую мышь выкинуть, натягивает одноразовые перчатки! Воскреснет потом и устроит истерику с битьём посуды...»

Едва успев обрадоваться найденному решению, Великий Змей тут же погряз в новых тягостных раздумьях, отгонявших сон. Раздражённо сипя, он подплыл к тумбе, сгреб зубами пульт и переключил канал на военный сериал про разгром японских захватчиков.

Ночь пролетела незаметно.

Утро. Шесть часов тринадцать минут.

Сознание Цин Шу медленно выплыло из пелены сна. Должно быть, из-за неудобной позы он проснулся гораздо раньше своего привычного биологического будильника.

Разомкнув веки, Цин Шу упёрся мутным, не успевшим сфокусироваться взглядом в тёмный

экран телевизора. В голове царил сумбур, а окружающая обстановка казалась чужой, словно он очнулся в незнакомом месте.

Сидя с прямой спиной, он подпёр лоб ладонью и попытался восстановить ход событий. Вспомнил, как среди ночи услышал шум, вышел в гостиную, застал Змея за просмотром телевизора, присел рядом, немного подразнил его... и заснул прямо на диване?

Разложив воспоминания по полочкам, Цин Шу опустил руку. Хотя ночью он просыпался, сновидения его не тревожили, и сейчас он не ощущал вчерашней разбитости — разве что плечи и поясница немного затекли.

«Вот она, благодать молодости...» — мысленно похвалил себя Цин Шу.

По привычке он упёрся ладонью в бедро, намереваясь подняться, но под пальцами раздалось нечто одновременно чужеродное и до ужаса знакомое. Цин Шу мгновенно застыл, точно изваяние.

Это была НЕ ЕГО НОГА!!

И хотя в душе уже заворочался леденящий кошмар, когда Цин Шу опустил взгляд и увидел покоящуюся у себя на коленях чешуйчатую змеиную голову, из его груди вырвался дикий, неистовый вопль:

— А-а-а-а-а!!

Вспомнив вчерашнего старика с собакой, Цин Шу волевым усилием заставил себя унять панику.

Великий Змей смежил очи лишь на рассвете и толком не успел поспать, как его оглушил этот нечеловеческий крик. Объятый праведным гневом, Змей ткнулся мордой в первое попавшееся тёмное место, спасаясь от света.

Цин Шу сидел бледный как полотно. Едва он начал приходить в себя от липкого ужаса, как змеиная голова вдруг пришла в движение. Тварь юркнула прямо под подол его пижамной рубахи, пару раз боднула пресс и, вильнув, принялась пробиваться дальше — за резинку штанов...

Не думая ни секунды, Цин Шу дрожащими пальцами вцепился в змеиный затылок.

Двадцатитрёхлетний, взрослый и крепкий мужчина едва не разрыдался в голос:

— Ты что творишь?! Ты... ты чего сделать-то пытаешься?!!

<http://bllate.org/book/19679/1946404>